

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Революционер

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619425*

Аннотация

«... – А! – закричал весело Кутляев, растопыривая руки. – Васенька! Христос воскрес!»

– Здравствуйте, – вежливо поклонился Птицын. – Я, простите, не христосуюсь...

– Почему, Васенька? – кокетливо, склоняя голову набок, спросила жена Кутляева. ...»

Аркадий Аверченко

Революционер

В первый день св. Пасхи к Кутляевым пришел Птицын. Глава семьи Кутляевых был чиновник, и звали его Исидором Конычем, а Птицына называли Васенькой.

Птицын пришел, наряженный в смокинг и лакированные башмаки, с ярким, сверкающим цилиндром в руках.

– А! – закричал весело Кутляев, растопыривая руки. – Васенька! Христос воскрес!

– Здравствуйте, – вежливо поклонился Птицын. – Я, простите, не христосуюсь...

– Почему, Васенька? – кокетливо, склоняя голову набок, спросила жена Кутляева.

Васенька поздоровался с ней, поклонился сидевшей в углу старой тетке, опустился на предложенный стул и, обмахиваясь платочком, сказал:

– Видите ли... Я нахожу этот обычай отжившим. В нем, вы меня извините, нет логики. Будем рассуждать так: почему знакомые целуются при встречах на Пасху и не целуются на Рождество? Вы, конечно, возразите мне, что Пасха – это праздник любви, торжества и радости. Хорошо-с. Тогда, – спрошу я вас, – а Рождество, чем же хуже Рождество? Чем оно меньше по радости и торжеству? Да и вообще: я пони-

маю поцелуй как акт физического влечения одного пола к другому, что уже, конечно, есть простое требование природы. А, согласитесь сами, ведь указанных мною элементов в пасхальном поцелуе нет? Ведь нет?

Жена Кутляева задумчиво качнула головой и вздохнула.

Муж сказал:

– Пожалуй, это и верно.

– Конечно же, верно!

Васенька говорил серьезно, подыскивая выражения, округляя периоды и внимательно поворачиваясь к собеседнику, который подавал реплику. Собеседник внимательно выслушивался и сейчас же получал ясный, точно сформулированный ответ.

– Хотя, – возразила госпожа Кутляева, – я того мнения, что в этой радости, в этих поцелуях и дружеских объятиях есть что-то весеннее.

– Хорошо-с, – солидно, складывая руки на груди, сказал Васенька. – Хорошо. Но если это так, – то почему же не целоваться в июне или сентябре?

– Что вы говорите?! – вспыхнула Кутляева. – Разве можно?

– Вот то-то и оно. Нужно как можно дальше отходить от нашей затхлой традиции, от всего того, что «все делают».

– Однако, – сказал Кутляев, – вот вы же, Васенька, с визитом пришли?..

Васенька привстал.

– Я могу и уйти, если вам мое посещение не нравится...

– Что вы, что вы! Как вам не стыдно?.. Мы очень рады! Я только к тому говорю, что визиты тоже традиция.

– Да-с! Пошлейшая, никому не нужная традиция! И вот именно поэтому я решил всюду ходить и во всеуслышанье заявлять: господа! Бросьте этот глупый утомительный обычай! Станьте выше! Стремитесь быть сверхчеловеками!

– Вы водку пьете? – спросил Кутляев.

– Что? Какую водку? Ах, водку. Рюмочку я, конечно, выпью, но не потому, что это какой-то там праздник, а просто – небольшое количество алкоголя мне не повредит.

Кутляев налил две рюмки водки, а жена его сказала:

– Если вы, Васенька, это натошак – я вам дам сначала кусочек священного кулича. Хотите?

Васенька резко и строго обернулся к хозяйке.

– Нет-с, Наталья Павловна, не хочу. Нет, не хочу! Согласитесь сами – зачем? Что изменится в нашей будущей жизни от того, если я съем этот кусок желтого сладкого хлеба, а не тот? Если вы мне дадите именно тот, который был обрызган священником? Зачем это? Да и вообще, кулич... Почему вы меня не угощали им, когда я у вас был в декабре? Почему теперь мне должно хотеться, а тогда нет? Согласитесь сами – странно!

– Да бросьте вашу философию, – хлопнул его по плечу хозяин. – Ох, уж эта мне интеллигенция! За ваше здоровье!

– При чем тут здоровье? – поморщился Птицын. – Просто

нам с вами хочется выпить – мы и пьем.

– Кулича нашего попробуете? – робко спросила хозяйка.

– Принципиально не попробую, уважаемая Наталья Павловна. Вот в сентябре будут именины вашей дочки, – тогда съем. А есть его сейчас, согласитесь сами, это ordinarilyно.

Он обвел глазами стол, и взгляд его остановился на высоком куличе, увенчанном тремя сахарными розами и шоколадным барашком с крошечным зеленым флагом.

– Вы простите меня, Наталья Павловна, но... можно мне быть с вами откровенным?

– Пожалуйста, – съежившись, сказала хозяйка.

– Я уж такой человек, что всегда режу правду-матку в глаза! Это самое лучшее. Не правда ли? Скажите: неужели вы серьезно думаете, что эти сахарные розы и этот барашек на что-либо нужны? Ведь вкусу они вашим куличам не придут, а...

– Ах, какой вы критик, – слабо усмехнулась хозяйка. – Я и не знала... На всякий пустяк обращаете внимание... Это сделано так только – для красоты.

Птицын горько улыбнулся.

– Для красоты... Красота – это Рафаэль, Мадонна, Веласкес какой-нибудь! Венера Милосская! Вы извините меня, но я так говорю, потому что считаю вас хорошими, умными людьми и знаю, что вы не обидитесь... А какая же красота – барашек с рынка стоимостью в пятиалтынный? Ни моего эстетического, ни моего морального чувства такая безвкус-

ная вещь удовлетворить не может.

– Ха-ха! – засмеялся Кутляев, – вот не думал, что у покойного Павла Егорыча такой умный сынок будет. Ай да Васенька! Бог с ними, с барашками... Вы бы еще рюмочку! Красным яичком закусите или поросеночком.

Васенька нахмурился.

– Позвольте быть с вами откровенным: вы их для вкуса покрасили или для красоты?

– Черт его знает, для чего. Взял да и покрасил.

– Я думаю, краска, которой они выкрашены, не безвредна. В таком случае я очень попрошу вас, добрейшая Наталья Павловна, дать мне простое белое яйцо. Оно, правда, не так сияет, но ведь я же и не любоваться на него буду...

Птицын долго ел молча, опустив голову и о чем-то думая.

– Поросенок тоже, – закачал он укоризненно своей широкой черной костистой головой. – Ведь если крашеное кушанье вообще красиво, – почему бы и поросенка не выкрасить в голубой цвет или побронзировать золотым порошком? Однако этого не делают. Правда, для чего-то всунули ему в рот кусок петрушки, но, я думаю, никто этим не будет восторгаться. Всунули просто неизвестно для чего...

– Охота вам, Васенька, петь Лазаря, – нервно перебил его хозяин. – Ну и всунули! Ну и поросенок. Надо же чем-нибудь великий праздник отметить.

– Так, так, – покачал головой Васенька. – Подъем религиозного чувства знаменуется всовыванием в пасть мертвого

животного пучка зелени... Логично!

* * *

В комнату влетел завитой, пронизанный насквозь праздничным настроением блондин, расшаркался и радостно, во всю мочь легких, заорал:

– Христос воскрес! Исидор Коныч, троекратно! Наталья Павловна, троекратно! Мой молодой товарищ, – троек...

– Простите, не целуюсь, – сказал твердо и значительно Птицын. – Устаревший пережиток. Форма без содержания...

– Фу-ты ну-ты, – пропел молодой блондин. – А то бы лобызнулись. Не хотите? Как хотите.

Склонив голову набок и смотря укоризненными глазами на пришедшего, Птицын ехидно спросил:

– Визиты делаете?

Блондин склонил голову направо и юмористически пропищал:

– Визиты делаю! Мученик естества.

– Выпейте чего-нибудь.

– С восторгом в душе! Боже ты мой! Какие красивые яйца!! И зелененькие, и розовенькие. И лиловые!

– Вам нравится? – иронически спросил Птицын. – А мне, представьте, не нравится. Это не есть вечная красота... Вечная красота – это Рафаэль, Мадонна... Знаменитая статуя Венеры Милосской, находящаяся в одном из заграничных

музеев, – вот что должно нравиться.

– Эх, куда заехали, – засмеялся молодой человек и молящим голосом попросил: – Можно съесть лиловенькое? Мне нравится лиловенькое!

– Да какое угодно, – радушно сказала хозяйка.

– Вечные самообманы в жизни, – печально прогудел Птицын. – Гонимся мы за лиловыми яйцами и забываем, что внутри они такие же, как и красные, как и белые... Слепое человечество!

– Где вы были у заутрени? – спросила хозяйка.

– В десяти местах! Носился как вихрь. Весело, ей-богу! Радостно! Колокола звонят вовсю. Дилим-бом! Бам-бам! То тоненькие. То такие большие густые дяди! Гу-у! Гу-у!

– Красота не в этом, – сказал Птицын, внимательно, по своему обыкновению, выслушав собеседника. – Не в том, что по одному куску металла бьют другим куском металла... И не в том, что яйца красивые и голубые... И не в том, что у вас на сюртуке атласные отвороты. Красота – это Бетховен, симфония какая-нибудь... Кельнский собор! Микеланджело! Слепое человечество...

Хозяйка вздохнула и сказала блондину:

– Садитесь! Чего же вы стоите?

– Мерси. С удовольствием, – расшаркался представитель слепого человечества.

Повернулся к столу и сел.

– Что вы делаете! – закричал болезненно и пронзительно

Птицын. – Вы сели на мой цилиндр!

– Ну? – удивился блондин. – В самом деле!

Птицын вертел в руках сплюснутый, весь в крупных изломах и складках цилиндр и, со слезами в голосе, говорил:

– Ну что теперь делать! Сели на цилиндр. Ну куда он теперь годится... Кто вас просил садиться на мой цилиндр?!

– Я нечаянно, – оправдывался блондин, пряча в усах неудержимое желание рассмеяться. – Да это пустяки. Его можно выпрямить и по-прежнему носить.

– Да-а... – злобно смотря на блондина, плаксиво протянул Птицын. – Сами вы носите! Разве в нем можно показаться на улице?!

– Почему же? – усмехнулся гость. – Красота не в этом. Красота – это Рембрандт, Айвазовский, Шиллер какой-нибудь... Мадонна!

На глазах Птицына стояли слезы бешенства и обиды.

– Полез... Прямо на шляпу!

– Слепое человечество, – захохотал блондин. – Ну, если не хотите так ее носить, я вам заплачу. Ладно?

Птицын сжал губы, получил от блондина пятнадцать рублей и, ни с кем не прощаясь, угрюмо ушел.

Поросенок, держа в зубах пучок зелени, заливался беззвучным смехом.